

СВЕТЛОЕ НАЧАЛО ОСЕТИНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Работа представлена кафедрой осетинского литературного творчества Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор Ш. Ф. Джикаев

Статья посвящена первой осетинской исторической трагедии «Хазби» Е. Бритаева, основоположника национального театра и драматургии. Данные события в историографии 40–50-х гг. XX в. получили искаженную интерпретацию, и патриотическая драма Е. Бритаева оказалась под запретом. Искажались содержание и идеи произведения. Данное исследование проливает свет на некоторые проблемы трагедии. Этим и обусловлена актуальность работы, определяется ее новизна, ее необходимость.

Ключевые слова: осетинская драматургия, Елбасдуко Бритаев, трагедия «Хазби».

L. Kadzayeva

LIGHT NATURE OF THE OSSETIAN HISTORICAL DRAMATURGY

The paper is devoted to the first Ossetian historical tragedy “Khazbi” by E. Britayev, a founder of national theatre and dramaturgy. Those events in the historiography of the 1940–1950s were misinterpreted, and E. Britayev’s patriotic drama was prohibited. The contents and ideas of the work were distorted. The paper elucidates some problems of the tragedy. This conditions the topicality of the work, its novelty and necessity.

Key words: Ossetian dramaturgy, Elbasduko Britayev, “Khazbi” tragedy.

Начало XX в. стало и началом зарождения осетинского театра и драматургии. Переодовая часть осетин стремилась к тому, чтобы как можно больше людей получило образование, чтобы через просвещение, через зна-

ния народ обретал надежду, веру в лучшее будущее. А для этого нужен был театр, нужны были национальные пьесы, которые говорили бы с народом о его жизни, отвечали бы его духовным запросам. В первых пьесах,

получивших сценическое воплощение, играли актеры-самоучки, но их спектакли ярко отображали быт народа, вызвали интерес к театру, к общественным и нравственным вопросам.

В осетинской драматургии особое место занимают пьесы, созданные на историческом материале. В них широко использовались также сюжеты и мотивы народного творчества.

Не все исторические факты имеют общественное значение. Общепризнанные реальные события приобретают благодаря силе художественного слова. В этом смысле показательна борьба горцев-осетин под предводительством Хазби Аликова против антинародной политики администрации Терской области. Имя этой личности увековечено в фольклоре (в героических песнях и преданиях), но всенародную значимость образу героя придала историческая драма Елбасдуко Бритаева «Хазби». Безусловно, осетинская драматургия выросла на почве народного творчества. В качестве сюжетов и эпизодов драмы использовались легенды, сказки, варианты эпических сказаний и героических песен, в поэтике которых значительное место занимают элементы драматизма и театрального действия.

Однако не следует забывать и то, что драматург, опирающийся в своем творчестве только на фольклор, значительно обедняет свои возможности. Елбасдуко Бритаев прекрасно знал творения великих античных и европейских драматургов и учился у них. Высокая патриотическая нота, пафос «Хазби», на мой взгляд, порождены благотворным светом именно этого высокого искусства. Речь идет о художественных средствах и методах отражения. Елбасдуко Бритаев выступил смело как создатель национального театра, как родоначальник и основоположник осетинской драматургии. Их создание диктовалось проблемами социального развития общества, было обусловлено культурным и духовным развитием народа.

В том, что осетинский народ в новых исторических условиях без страха и сомнения ступил на путь созидания, немаловажное

значение имела драма, в первую очередь трагедия Е. Бритаева «Хазби». «Трудно представить, каким громовым гулом пронеслось по всей Осетии появление на осетинской сцене “Хазби” Бритаева», – писал видный литератор Александр Тиболов. [8, с. 113–114] По его мнению, призывные речи главного героя произведения поднимали социальный энтузиазм народа, звали его к гражданской активности. Трагедия пронизана высокими идеями патриотизма и гуманизма, при этом эти идеи взаимосвязаны и определяют пафос творения мощного таланта. Автор в своем произведении высоко поднял идею национального единства, обозначил нравственный императив народа, проблему чести и свободы отдельной личности.

В трагедии «Хазби» нашло художественное отражение столкновение кобанцев с карательной экспедицией царского генерала Абхазова (князя Абхазашвили) в 1830 г. Свободолюбивые горцы встали грудью против попыток наместника России установить в Осетии реакционное административное управление и крепостное право. Военная акция была спровоцирована Грузией. Новый порядок ломал уклад жизни горцев, завещанный предками, искоренял народные обычаи и традиции, лишал народ свободы и достоинства. Об этом писал и Коста Хетагуров: «Не подлежит ни малейшему сомнению, что режим, установившийся на Северном Кавказе после его покорения, с первых же шагов пошел совершенно вразрез с духовно-социальным строем туземцев» [6, с. 137].

Елбасдуко Бритаев изображал реальные исторические события, тем не менее образ Хазби воспринимался неоднозначно, подвергался нападкам со стороны отдельных критиков и официальных историков, вызывал сомнения даже сам факт существования такой исторической личности. Возможно, потому, что все вопросы оставались открытыми, первая осетинская трагедия «Хазби» стала предметом споров и наветов. Одни ее называли апологией осетинского национализма, другие – символом национального самосознания.

Таким образом, трагедия Бритаева долгое время в Советской Осетии была под за-

претом, нельзя было ее печатать, ставить на сцене, проводить работу по ее научному исследованию. Более того спорным стал не только образ самого Хазби, но и историческая основа всего произведения. В имеющихся документальных материалах о кобанских событиях говорится о деятельности Беслана Шанаева. Имя же Хазби встречается только в народных песнях и легендах. А они, по мнению авторитетных ученых, зачастую оказываются достовернее иных исторических свидетельств: «Факты показывают, что в те времена общей неграмотности, наряду с письменной историей, прерогативой официальных грамотеев, существовала “песенная история” (термин Пидала), и это “песенная история” иной раз оказывалась достовернее и могущественнее письменной» [7, с. 20]. Как считает Васо Абаев, историческая песня слагалась о реальном событии, об исторической личности: «Героические песни обычно складываются по свежим следам отображенных в них событий; установить время возникновения той или иной песни можно только тогда, когда удастся датировать события, послужившие поводом к ее созданию. Таким поводом является обычно гибель героя (трагическая его смерть – почти неперемное условие возникновения героической песни). Из более старых песен по этому признаку могут быть датированы: песня о Куртатинцах (ок. 1786 г.), о Хазби (1830–1831 гг., экспедиция ген. Абхазова против осетин Кобанского ущелья)» [1, с. 396–397]. Нафи Джусойты также склоняется к мысли, что «можно говорить об исторических корнях трагедии» [3, с. 132]. С другой стороны, следует отметить, что историческая основа произведения связана не только с содержанием и именем главного героя. В «Хазби» достоверно эпически воссоздается национальный мир осетин. Перед взором читателя встают колоритные картины патриархальной жизни осетин, их обычаи и мировосприятие, уклад быта, характер. Действующие лица трагедии – типичные представители своего времени, имеющие свои национальные черты, лицо, психологию. Их поступки, образ мыслей продиктованы условиями времени и окружающей действитель-

ности. Автор трагедии не является профессиональным историком, но, будучи мастером слова, истинным художником, Бритаев мастерски изображает исторические события выразительными художественными средствами. В «Хазби» в органичной связи представлены исторические факты и атмосфера народной культуры и творчества, эффективно использовано богатство изобразительных возможностей жанра исторической трагедии. Из их единства родилось глубокое по содержанию и художественно совершенное произведение.

Главный герой трагедии Хазби, его окружение и сподвижники считают ниже своего достоинства подчинение чужой воле, молчаливое смирение, они никогда не примут идей, навязанных силой оружия. Но произведение свидетельствует также и о том, что не все горцы разделяют эти принципы. Есть люди, которым чины и награды дороже чести и свободы. Безразличие, беспечность части народа становится очевидным во втором действии драмы. Борьба с внутренними врагами становится движущей силой развития сюжета, его драматизма.

Когда враг приблизился к Кобанскому ущелью, Хазби понял, что у него недостаточно людей, способных взять оружие. Он направляет гонцов во все ущелья, но подмога пришла только с Куртатинского ущелья. Увы, сознание тех, кто в час общей беды присутствовал на очередной трапезе, не доросло до понимания национальной идеи, ритуальное пиршество для них было куда актуальнее, чем проблема национального единства и безопасности. Кобанцы не смогли одолеть превосходящее числом войско Абхазова, и сражение было проиграно.

Возникает много вопросов. В чем причина трагедии Хазби и его соратников? Почему народ не проявил взаимопонимания? Шамиль Джикаев пишет об этом так: «Хазби поднял односельчан на бой, но ему не удалось повести за собой жителей других ущелий. Причины были не такие простые, как представляет их драматург. Жители других горских обществ остались равнодушны к призыву Хазби не только потому, что сидели

на кувдах. Между селами не было ни экономических, ни политических связей. В силу исторических условий Хазби не мог стать всенародным предводителем. Он вынужден был противостоять целому войску с группой ополченцев, и в этом трагизм его судьбы» [5, с. 18]. Этот вывод неоспорим, но есть еще одна причина: она заключается в том, что борьба Хазби не стала борьбой всего народа. Бритаев указывает не только на положительные качества людей, но в ходе развития действия обнажает также их незавидные качества. Когда в общественно значимое деяние включаются такие, как Кавдын и Цора, то оно обречено на провал. Ими руководят сугубо личные интересы, их предательство обусловлено корыстолюбием и узостью мировоззрения.

Хазби был лучшим представителем народа, и он не мог не отстаивать его интересы. Чтобы взять на себя ответственность за судьбу народа, нужно иметь огромное мужество, и Хазби обладал таким мужеством. Национальный герой Осетии руководствуется внутренним убеждением: «Наши обычаи родились вместе с нами, и умереть им суждено вместе с нами. И даже если какие-то из них устарели, то менять их вправе только мы сами, а не Абхазов». А царский генерал считает эту приверженность традициям вредной и безнравственной и считает нужным ее искоренение. Естественно, он решал задачи не этические, а политические, и Хазби это понимал прекрасно.

«Пытливые» критики 1930–1950-х гг., желающие угодить новой власти и ее идеологии, восстание, вернее, сопротивление народа под руководством народного героя Хазби Аликова карательной экспедиции генерала Абхазова назвали реакционным, объявили его преступлением против дружбы народов. Автора трагедии окрестили буржуазным националистом, который не понимал сущности классовой борьбы. Наделенный ярким талантом драматург Бритаев в Петербургском университете получил блестящее образование (1917 г.), был активным участником общественного движения и классовой борьбы, и этого мыслителя и художника апологеты

вульгарной критики обвиняли в незнании социальных проблем общества.

Вокруг писателя создалась такая враждебная атмосфера, что его творчество и общественную деятельность подвергали необоснованной критике и остракизму не только идеологи большевизма, не только представители пролеткульта, но и видные литературоведы. К примеру, Хадзбатыр Ардасенов писал: «В созданной во время революционных событий (1905–1907 гг.) драме “Хазби” Елбасдуко Бритаев выступление алдаров показал идеализированным. Писатель не понял, что во главе восставших стояли богатые алдары. Они воспользовались недовольством бедных крестьян, которым не нравилось большинство устанавливаемых законов, а на самом деле алдары защищали свои феодальные интересы» [2, с. 267].

В спорах о движущих силах событий 1830 г. мне ближе точка зрения Георгия Джатиева: «Только из-за того, что восстание возглавили алдары, нельзя называть его реакционным». К сожалению, многие неверно интерпретировали текст трагедии и содержание народной песни, поэтому часто где вольно, где невольно приходили к неправильным выводам.

Трудно сказать, что было виной тому – извращенные требования конкретного исторического периода или нечто другое. Но ученые-угодники и партийные функционеры 1930–1950-х гг. оклеветали Е. Бритаева и его творчество, представили народного героя врагом народа. Правда, они упустили из виду тот факт, что во все времена, в любой общественной формации главной движущей силой является народ. Реальная историческая фигура Хазби или нет – вопрос несущественный: для осетинского народа Хазби издавна является святым символом свободы, а сценический образ его – жемчужина осетинского театрального искусства. Народ – творец истории, он знает своих героев, своих знаменосцев, он воздаст каждому по заслугам, по его исторической значимости.

Жизни и творчеству Елбасдуко Бритаева много статей и научных трудов посвятил известный писатель и ученый филолог Нафи Джусойты. Его перу принадлежит и капиталь-

ное монографическое исследование о драматурге. Благодаря его усилиям в начале 1960-х гг. на сцене юго-осетинского драмтеатра была осуществлена новая постановка трагедии «Хазби». Нафи Григорьевич свои труды писал в самые тяжелые годы идеологического режима. Нельзя было откровенно опровергать постановления обкома партии и правительства. В этой атмосфере определенный компромисс был проявлением дипломатической тактики. Наличие противоречивых суждений и выводов в отдельных его работах – результат этой тактики. Уступки в оценках второстепенного допускались ради спасения общего. Таким методом ученый постепенно очищал творчество драматурга от искаженных представлений и неверных толкований. Он приходит к выводу о том, что «в основе пьесы – конфликт между царизмом и народом», что «на стороне Абхадза (Абхазова), желающего покорить кобанцев, сила оружия и огромного войска. Но на стороне Хазби и кобанцев сила правды и высоких человеческих достоинств» [3]. Нафи Джусойты в последних трудах называет Хазби не алдаром, а представителем крестьянства.

В этом же ключе рассматривает драму Е. Бритаева Шамиль Джикаев: «Писателю удалось создать народную героическую трагедию, утвердить в ней идеи патриотизма и национального единства... трагедия возвеличивает народ, прославляет его мудрость и гуманизм, в которых проявляется его нравственное величие» [4].

«Хазби» Елбасдуко Бритаева – первая осетинская историческая драма. Ее образы – живые, полнокровные, характеры – яркие. Она имеет непреходящее идейно-эстетическое значение.

В любых обстоятельствах, даже при условии, когда самоотверженная борьба твоя обречена, ты не должен покупать свободу и победу ценой чести и доброго имени. Эти понятия – честь и доброе имя – дороже жизни, и потому нельзя ими торговать. А те, для кого, как говорится, торг уместен, всегда были презираемы народом. Такова главная идея исторической драмы Елбасдуко Бритаева, писателя-гуманиста, посвятившего свое творческое горение социальным и нравственным идеалам народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев В. И.* Избранные труды. Владикавказ: Ир, 1990. С.396–397.
2. *Ардасенов Х. Н.* Очерк развития осетинской литературы (дооктябрьский период). Орджоникидзе, 1959. С. 267.
3. *Джусойты Н. Г.* История осетинской литературы. Книга вторая. Тбилиси, 1985. С. 136–137.
4. *Джикаев Ш. Ф.* Осетинская литература. Краткий очерк. Орджоникидзе, 1980. С. 54–55.
5. *Джыккайтты Ш.* Стыр райдайён «Брыт'иаты Елбыздых'ойы цард ёмё сфёлдыстадыл афёлгёст» // Е. Бритаев. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Пьесы. Орджоникидзе, 1981. С. 18.
6. Коста Хетагуров. Полное собр. соч.: в 5 т. Владикавказ: СОИГСИ, 2000. Т. 4. С. 137
7. *Томашевский Н.* Героические сказания Франции и Испании // Песнь о Роланде. Песнь о Сиде. М.: ГИХЛ, 1976. С. 20.
8. *Тыбылты А.* Уацмысты ёмбырдгонд. Цхинвал: Ирыстон, 1988.

REFERENCES

1. *Abayev V. I.* Izbrannyye trudy. Vladikavkaz: Ir, 1990. S. 396–397.
2. *Ardasenov Kh. N.* Ocherk razvitiya osetinskoy literatury (dooktyabr'skiy period). Ordzhonikidze, 1959. S. 267.
3. *Dzhusoyty N. G.* Istoriya osetinskoy literatury. Kniga vtoraya. Tbilisi, 1985. S. 136–137.
4. *Dzhikayev Sh. F.* Osetinskaya literatura. Kratkiy ocherk. Ordzhonikidze, 1980. S. 54–55.
5. *Dzhykkayty Sh.* Styr rayday'yon «Bryt'iaty Elbyzdykh'oy tsard yomyo sfyoldystadyl afyolgyost» // E. Britayev. Sochineniya: v 2 t. T. 1: P'yesy. Ordzhonikidze, 1981. S. 18.
6. *Kosta Khetagurov.* Polnoye sobr. soch.: v 5 t. Vladikavkaz: SOIGSI, 2000. T. 4. S. 137
7. *Tomashevsky N.* Geroicheskiye skazaniya Frantsii i Ispanii // Pesn' o Rolande. Pesn' o Side. M.: GIKhL, 1976. S. 20.
8. *Tybylty A.* Uatsmysty yombyrdgond. Tskhinval: Iryston, 1988.